

Цикл Олега Кожевникова

МИХАИЛ II

Великий князь

Государь

Император

ОЛЕГ КОЖЕВНИКОВ

ИМПЕРАТОР

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К56

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Кожевников, Олег Анатольевич

К56 Михаил II: Император: роман / Олег Кожевников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-122493-6

Тяжела доля императора. Тем более в России 1917 года. И это в полной мере ощутил наш современник, оказавшись в ходе научного эксперимента, затеянного его другом, в теле Михаила Романова, брата Николая Второго. Так как ребята знали судьбу Михаила и его секретаря Джонсона, тела которых в этой реальности заняли сущности наших современников, то они начали делать все, чтобы выжить в новом мире. И прежде всего, нужно было изменить историческое развитие этой новой реальности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122493-6

© Олег Кожевников, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Император!.. Неужели я стал императором, царём, мать твою! Всё это никак не укладывалось в мозгах. Ну ладно, пусть я попаданец, человек из двадцать первого века, но не монарх же, не помазанник Божий, и вообще демократ и против любого диктата. Вот же ситуация! Загнала в такой угол, что сделать ничего нельзя — только принимать корону и становиться монархом! Простой технарь из НИИ мозга становится самодержцем России, это нонсенс — идиотизм какой-то. А всё Кац с его непомерными научными амбициями виноват. Правда, я сам хорош — согласился участвовать в, казалось бы, безобидном эксперименте своего друга и в итоге оказался в теле брата Николая Второго, Михаила Александровича, в 1916 году. Сначала я балдел, оказавшись в теле брата императора. Ещё бы — из мальчишка на побегушках оказаться в теле аристократа, у которого куча прислуги, к тому же генерал-лейтенанта. Да я мог есть чёрную икру ложками, а запивать её выдержанным французским коньяком. Вот только знание истории, вложенное в меня учёбой в школе двадцать первого века, мешало насладиться своим положением. Ещё бы, я знал, что в России скоро произойдут революции, и после Октябрьской великого князя Михаила Александровича шлёпнут в Пермь. Как тут радоваться жизни и тому, что ты стал «голубой кровью», если знаешь, что это очень ненадолго. Ведь мне было из истории известно, что через год Михаила Александровича сошлют в Пермь. А там местные

чекисты по-тихому шлѣпнут великого князя и его секретаря Джонсона. А именно меня и Каца. Да, мой друг, заваривший всю эту кашу, спасающийся от начавшей меняться истории, тоже кинулся в этот водоворот. Меня он внедрил в тело Михаила Александровича в силу случайных обстоятельств, а сам нырнул в разум Джонсона, полностью осознавая, что он делает. Выхода у парня не было — история после моего исчезновения из хронографа начала меняться.

Да, сначала было чудно и непривычно. Ещё бы — стать таким значительным человеком, как брат самого императора, это было для обычного человека ударом по психике. Ну а потом, как ни странно, мне эта ситуация понравилась. И немалую роль в этом сыграла жена Михаила Александровича — Наталья. Большой искусницей в любовных утехах оказалась эта проказница. Теперь я понимал великого князя, который нарушил правила семьи Романовых — брат императора не имел права венчаться с девушкой не королевских кровей. А Михаил это сделал — бесшабашный был человек, настоящий гвардеец Кирасирского полка. В 1907 году у флигель-адъютанта, штабс-ротмистра, командира лейб-эскадрона, случился роман с женой его подчиненного, поручика Вульфберта — Натальей. Роман был бурный, а в 1910 году у них родился сын Георгий. Михаил был благородный человек, верный своим обещаниям, и он тайно вступил с Натальей вmorganaticкий брак в Вене в 1912 году, обвенчавшись в сербской православной церкви Св. Саввы. Этим он нарушил все устои семьи Романовых и попал в опалу. Михаил был уволен со всех должностей и постов, ему было запрещено возвращаться в Россию, и он жил с женой в Европе. Даже имения великого князя находились под секвестром. Одним словом, наказали великого князя за венчание с простолюдинкой Натальей Сергеевной (урождѣнной Шереметьевской) по полной программе. Но когда грянула война, Михаил

забыл про обиду и, верный долгу перед родиной, написал письмо своему брату Николаю Второму с просьбой зачислить его в действующую армию, чтобы он встал на защиту родины. Николай Второй пошёл ему навстречу, но назначил Михаила командиром самой проблемной в русской армии Туземной кавалерийской дивизии. В дальнейшем в ходе войны за нрав её всадников прозванной в народе «дикой». Вот так блестящий гвардейский офицер и генерал оказался в России в самой гуще Первой мировой войны. Несмотря на всю тяжесть этой войны, на бесконечные бои и отступление 1915 года, он не сбежал обратно в Англию, а продолжал нести тяжёлую ношу русского офицера. Дрался с неприятелем храбро и заслужил за бои в Карпатах орден Святого Георгия 4-й степени. То есть стал георгиевским кавалером, а это многое значило в глазах фронтовиков. И не только для них, на императора Николая Второго это тоже подействовало, и он назначил Михаила Александровича командиром 2-го кавалерийского корпуса.

Непрерывные бои, недосып, питание чёрт знает чем негативно подействовали на здоровье великого князя — у него начала развиваться язва желудка. Да у любого бы человека от такой жизни начались сбои в организме. А тем более у аристократа, привыкшего к хорошей кухне. Когда приступы язвы стали уже нестерпимы, а бои после самой острой фазы, «Брусиловского прорыва», в котором корпус под командованием Михаила активно участвовал, несколько стихли, великий князь направился на лечение в Петроград, к лучшим докторам империи. Вот там, в загородной резиденции царской семьи в Гатчине, и произошёл перенос моей сущности в тело великого князя. Виновник этого события, мой друг м. н. с. Института мозга Кац (Кацман), тоже оказался в этом времени. Его сущность вселилась в тело секретаря великого князя — Джонсона. Но если я попал в тело Михаила Александровича слу-

чайно — в ходе неправильно пошедшего эксперимента, затеянного моим другом, то сам Кац целенаправленно вселил в тело Джонсона свою сущность. Испугался парень, когда моё тело куда-то испарилось из хронографа, а из ниоткуда рядом со зданием Института мозга возникли громадные небоскрёбы. Мой друг начал догадываться, что произошло, когда у него самого исчезла часть руки. Кац понял, что история, а значит, его родная реальность изменилась, он сам не родился из-за того, что родители, скорее всего, не встретились. Да и вообще, вполне вероятно, из-за смены истории они могли и сами не родиться. После того как мой друг появился в теле Джонсона и рассказал мне о своих выводах, я, естественно, испытал сильнейший шок, потом отчаянье, а затем жажда жизни всё-таки взяла верх. И мы с Кацем начали думать, как бы исхитриться обмануть историю и не допустить, чтобы наши сосуды жизни, а именно тела великого князя и его секретаря Джонсона, закончили свои дни так же, как в нашей бывшей реальности — с простреленными черепами, закопанными на пустыре недалеко от Перми. Вот выполняя эти планы, после череды событий и колоссальных усилий как моих, так и со стороны Каца, я и оказался в этом бронированном вагоне в качестве самодержца Российской империи. Не хотел этого, всё делал, чтобы Николай Второй остался на троне, но не смог: история вещь неповоротливая и упрямая, её с кондачка и на ура не повернёшь. Вот и пришлось, чтобы история не пошла той же дорогой, что и в моей реальности, подставиться и взвалить на свои плечи тяжёлый груз ответственности — стать монархом Российской империи.

Груз ответственности придавил меня основательно — всю дорогу до Петрограда я судорожно рылся в захваченных из штаба Особой армии документах, пытаюсь понять, что же мне теперь делать. Ещё раз перечитал компромат на элиту Российской империи,

переданный Кацу, а значит, мне бундовцами. Аналитическая служба этой еврейской организации провела гигантскую работу, не хуже Моссада двадцать первого века, но подсказки я так и не нашёл. Наоборот, пришёл в полное уныние — не нашёл ни одного человека из всей элиты Российской империи, которому можно было доверять. Сплошная гниль и разложение. Каждый плёл свои узоры в политике, наверное, эти люди думали жить вечно, и как будто их представление о развитии страны было единственно верным. А я-то знал, что это не так. Что через пару лет эти политики окажутся сметены народным гневом. И все их благие намерения, у кого они, конечно, были, не более чем пшик перед расстрельным взводом пролетарского трибунала. Безумно было жалко народ, идущий на заклание под предводительством этой практически выродившейся и сгнившей элиты. Нужно было сделать нечто такое, чтобы растрясти это гнилое дерево Российской империи. Но не так, как это было сделано большевиками, а аккуратно, чтобы не повредить корневую систему империи. Море крови, выпущенной из народа после Октябрьской революции, первоначально дало обновление элиты и вдохнуло жизнь в трухлявую основу империи, и это дало возможность выиграть ВОВ, но затем без подпитки от корневой системы, которую основательно повредили свалившиеся на Россию невзгоды, страна в моей реальности снова попала в полосу стагнации. Вот и нужно было продумать свои шаги, чтобы не попасть в поток истории, повторяющий прежнее течение реки времени. Умом я всё это понимал, но, как собака Павлова, мог только гавкать на подсунутые историей реалии.

А как, спрашивается, можно коренным образом изменить историю, если для этого практически ничего нет? Ни знаний, ни кадров, ни ресурсов, одно только желание. Нет, вру, было знание, принесенное из моей бывшей реальности — туда не ходи, будет больно. Но

этот ресурс я уже использовал — принял скипетр, не позволив развалиться монархическому режиму в России. По крайней мере, избавил себя и Каца от ссылки в Пермь. Но вот что делать дальше, я не знал. Ведь положение в стране так и оставалось катастрофическим — война продолжалась, солдатские бунты готовы были начаться от малейшей неудачи на фронте или демонстрации рабочих в тылу. А рабочих продолжали подзуживать всё та же элита и германские агенты влияния. И чёрт ногу сломит, вычисляя, кто там иностранный агент, а кто искренне желает, чтобы родина, наконец, начала процветать. Многие думают, что именно самодержавие тянет Россию на дно зловонного болота. А скинув цепи самодержавия, она как сокол устремится ввысь к солнцу, к демократии. Но я-то знал, что этими благими намерениями выстлана дорога в ад.

Вот я и сидел, продумывая, как бы исхитриться и не попасть в выбитую историей колею. Но как ни напрягался, никаких новых путей для развития страны не видел. От войны никуда не деться, а она, как гигантская гиря, тянула страну на дно. Попытаюсь заключить сепаратный мир? Но это плохой выход. В истории, которую я знал, коммунисты по существу заключили такой мир с Германией, а в итоге страна получила кровавый кошмар — гражданскую войну и обструкцию союзников. Когда они делили репарации, мы с азартом убивали друг друга. Нет, такой хоккей нам не нужен. Остаётся, истекая кровью и соплями, нести тяжеленную ношу войны до конца. Слава богу, осталось продержаться не так долго. Если исходить из истории, которую я помнил, Первая мировая война закончится в 1918 году. Осталось достойно продержаться ещё 1917 год, и можно будет перевести дух. 1916 год, можно сказать, уже продержались. Австрийцы после потери Ковеля теперь вряд ли будут дёргаться, Германия, конечно, может ещё попытаться

провести какую-нибудь наступательную операцию, но не раньше весны следующего года. Во-первых, потому что получила по мозгам на Юго-Западном фронте, да и союзники в битве на реке Сомме сильно прищемили хвост тевтонам. Теперь немцы категорически не могут ослабить свои силы на Западном фронте, и даже в том случае, если армия Австро-Венгрии начнёт разваливаться. Как я узнал в штабе Особой армии, по предварительным данным, потери германской армии в ходе этой битвы составили более четырехсот тысяч человек. Пускай союзники потеряли и больше, но и людской потенциал у них выше. К тому же в войну скоро вступит и Америка — вот разберётся с Мексикой и влезет в европейскую войну. По крайней мере в моей реальности так оно и было. А ещё на моё имя в штаб Особой армии пришла шифрограмма от начальника Генштаба генерала Алексева, который сейчас исполнял обязанности главнокомандующего. Так вот, кроме краткого доклада о положении на фронтах, он сообщил, что французами готовится наступление между Мезом и Вевре Плейн. И что крайний срок его начала — декабрь. Германская агентурная разведка работает хорошо, и если это доведено до наших генералов, то германский Генштаб наверняка тоже обладает этими сведениями. Исходя из этой мысли, можно сделать вывод, что до лета Германия не в состоянии будет перебросить свои войска с Западного фронта на наш. Тем более боеспособные дивизии. А их у немцев не так уж и много. Те, которые они умудрились направить на помощь Австро-Венгрии, мы здорово потрепали, и они потеряли свою боеспособность.

Да, вот именно так, моя безумная затея с захватом Ковеля не просто удалась, а буквально вдохнула жизнь в начинающийся разваливаться Юго-Западный фронт. Германцы подтянули свежие дивизии и организовали очень грамотные атаки на две наши армии — 8-ю генерала Каледина и 11-ю генерала Сахарова. Под

их ударами эти армии начали разваливаться — русские солдаты не желали воевать, и при сильном нажиме противника некоторые части даже бросали свои позиции и бежали в тыл. Хорошо, рядом с армией Каледина была дислоцирована сформированная из гвардейских частей Особая армия, она была ещё не особо затронута тленом разложения. Вот её корпуса и встали на пути германских дивизий. А 11-й армии было некому помочь, и она дрогнула. Если бы в это время 2-й кавалерийский корпус под моим командованием не совершал рейд в тылу противника и не затеял операцию по взятию важнейшего стратегического пункта — города Ковеля, то операция германской армии оказалась бы успешной. Русская армия оказалась бы разбитой, и ей не помог бы стратегический гений Брусилова. В тот момент казалось, что ничто не могло мотивировать солдат держать оборону. Хорошо с ними поработали революционеры-пропагандисты и не только они — сама власть вела себя безобразно, тут и пропагандировать против неё особо было не нужно. Защищать страну с такой властью большинство солдат не хотело. Но тут случилось чудо — город Ковель, на подступах к которому полегли многие тысячи солдат, был взят 2-м кавалерийским корпусом. Солдаты воодушевились, а когда узнали, что взятием Ковеля командовал брат императора, вера в верховную власть укрепилась. Тем более полковые священники объясняли, что это чудо есть промысел Божий. Как только Николай Второй отдал корону Михаилу, Господь помог тому разбить супостата, показывая — вот кто истинный помазанник Божий. И не повиноваться ему есть большой грех, и допустившему это преступление гореть в геенне огненной. Одним словом, после взятия Ковеля многое в психологии русского солдата изменилось. И когда новость о взятии Ковеля стала известна в войсках, солдат как будто подменили. Они уже не паниковали при германских атаках и стойко сносили все

тяготы войны. Даже жёсткий артиллерийский огонь неприятеля не вносил в души сумятицу, а заставлял думать о подвиге великого князя, когда он лично повёл полки на штурм укреплений Ковеля. В первый штурм укреплений Ковеля сложили головы многие тысячи простых солдат. Даже корпуса гвардейцев из Особой армии не смогли взять эти твердыни, напичканные пулемётами и пушками, а всего лишь две дивизии под предводительством Михаила разбили неприятеля в пух и прах.

Именно такие слухи ходили среди солдат Юго-Западного фронта. Я за время, которое провёл в Луцке, даже систематизировал их по принципу «совершенно невероятные, связанные с божественной сущностью Михаила» и «слухи более-менее реалистичные». Вот те, которые реалистичные, соответствующие моим представлениям о причинах возрождения боевого духа армии, и остались в памяти. А времени собрать слухи, ходившие среди солдат, и систематизировать их у меня было. Шесть дней я находился в Луцке. И хотя на сердце скребли кошки и хотелось как можно скорее оказаться в Петрограде, уехать, не дождавшись результата операции Особой армии по прорыву к Ковелю и нормализации положения в полосе 11-й армии, я не мог. Хотя 39-й армейский корпус Особой армии пробился к Ковелю и соединился с частями 2-го кавалерийского корпуса Багратиона на следующий день, после того как новый император добрался до Луцка, но я всё равно не тронулся с места. Чувствовал, что нельзя сейчас покидать фронт. Именно здесь и сейчас решалась задача, которую мы с Кацем поставили перед собой — по недопущению сползания России в выгребную яму истории. Конечно, я мог ошибаться, и эта задача решалась в столице, где требовалось успокоить рабочих и какими-нибудь политическими уступками умиротворить депутатов Госдумы. Но я считал, что задачи умиротворения пойдут гораздо легче, если

обстановка на фронте хотя бы нормализуется. А если будут явные победы, то и умиротворять никого не придётся. К тому же когда прибыл в Луцк, то получил телеграмму от Каца, в которой уже не сквозило паническое настроение, что всё пропало, срочно приезжай в Петроград. Конечно, может быть, это я его успокоил телеграммой, которую направил своему другу после того, как попал в распоряжение 39-го армейского корпуса. А скорее всего, обстановка в столице не настолько уж критическая. Хотя Кац и призывал меня как можно быстрее приезжать в Петроград, но сообщал он прежде всего о нехватке финансов на наши проекты. Это меня и успокоило — если парень начал свои вечные жалобы на нехватку денег, значит, не всё так плохо и дела худо-бедно, но идут. Сообщил Кац и о растерянности, которая наблюдается сейчас в Петрограде, как в среде чиновников, так и среди простого населения. Никто не знает, что делать, даже горлопаны политиканы и те примолкли. Гавкать на Михаила — боевого генерала, взявшего Ковель, как-то не с руки. Тем более ещё свежи воспоминания о кулачном бое великого князя с человеком-горой, спасение санитарного поезда и действиях во время мятежа латышских стрелков. Рабочие надеются на щедрость нового императора. Ведь рассказы о том, как Михаил одаривал золотыми империялами юнкеров, сейчас очень популярны в народе. А интеллигенция надеется на то, что новый царь установит правовые нормы, как в Европе, не зря же он жил и имеет замок в Англии. Его европейский менталитет проявился и в том, что Михаил после бунта латышских стрелков на станции Лазаревская не перестрелял мятежников, как настоящий сатрап, а организовал по процедуре, принятой в Англии, цивилизованный, демократический суд. И не его вина, что этот суд приговорил мятежников к расстрелу. Демократия, особенно во время войны, обязана уметь защищаться. Так что народ довольно благожелательно был

настроен к новому царю, и никаких эксцессов против монархии пока не наблюдалось.

Вот я и посчитал, что нужно сделать паузу и появиться перед столичной публикой уже зная, как обстоят дела на Юго-Западном фронте. Если не удастся стабилизировать фронт и войска будут вынуждены отойти, то это негативная ситуация, и Михаилу придётся действовать по сценарию предреволюционного положения в стране. Мы долго с Кацем разрабатывали такой сценарий, и, в общем-то, львиная доля нашей деятельности была подготовкой к развитию ситуации по негативному сюжету. А он предусматривал, кроме раздачи продовольствия рабочим, силовые действия. Именно для этого присланная мной ещё из Житомира группа полковника Попова с участием Каца составляла списки самых опасных и энергичных противников самодержавия. После моего приезда в Петроград должна была начаться большая чистка. Для этого и вез туда Ингушский конный полк и бойцов мехгруппы. А вот если 11-я армия генерала Сахарова сможет остановить германцев, то вся ситуация на Юго-Западном фронте менялась. А учитывая то, что Ковель был взят, то немцы попадали в очень неприятную ситуацию — снабжение нарушено, подкреплений ждать бесполезно, австрийская армия дезорганизована и потеряла боеспособность. У германцев остаётся единственный выход из такой ситуации — бросить тяжёлое вооружение и по грязи пробиваться на спасительный запад. Явная победа русского оружия. И главным героем, несомненно, станет генерал, корпус которого взял Ковель, а то, что он стал императором, народ будет однозначно считать Божьей волей. А главное, при развитии ситуации по такому сценарию любая пропаганда против монархии будет бесполезной, по крайней мере несколько месяцев. На таком фоне никакие революции в России в 1917 году не произойдут. А там и война закончится победой союзников. Репарации, а глав-